

ПОВЕСТЬ О ГОРЕ-ЗЛОЧАСТИИ

ПОВѢСТЬ О ГОРѢ И ЗЛОЧАСТИИ,
КАКЪ ГОРЕ-ЗЛОЧАСТИЕ ДОВЕЛО МОЛОТЦА
ВО ИНОЧЕСКИЙ ЧИНЪ

Изволениемъ Господа Бога и Спаса нашего
Иисуса Христа Вседержителя,
от начала вѣка человѣческаго.
А въ началъ вѣка сего тлѣннаго
сотворил *Бог* небо и землю,
сотворил Богъ Адама и Евву,
повелѣлъ имъ жити во святомъ раю,
дал имъ заповѣдь божественну:
не повелѣлъ вкушати плода винограднаго
от едемскаго древа великаго.
Человѣческое сердце несмысленно и неуимчиво:
прелстился Адамъ со Еввою,
позабыли заповѣдь Божию,
вкусилъ плода винограднаго
от дивнаго древа великаго;
и за преступление великое
Господь Богъ на них разгнѣвался,
и изгнал Богъ Адама со Еввою
из святаго рая изъ едемскаго,
и вселил он их на землю на нискую,
благословил их раститися-плодитися
и от своих трудов велѣлъ имъ сытымъ быть,
от земных плодов.
Учинил Богъ заповѣдь законную,
велѣлъ он бракомъ и женитбамъ быть
для рождения человѣческаго и для любимыхъ дѣтей.
Ино зло племя человѣческо,
в началъ пошло непокорливо,
ко отцову учению зазорчиво,

к своей матери непокорливо
и к совѣтному другу обманчиво.
А се роди пошли слабы, ¹добру божливи¹,
а на безумие обратилися
и учили жить в суетѣ и в неправдѣ,*
в *перечине*^{2*} великое,
а прямое смирение отринули.
И за то на них Господь Богъ разгнѣвался,
положил ихъ в напасти великия,
попустилъ на них скорби великия
и срамныя позоры немѣрныя,
безживотие³ злое, сопостатныя находы⁴,
злую немѣрную наготу и босоту,
и безконечную нищету и недостатки послѣдние,
все смиряючи насъ, наказуя
и приводя нас на спасенный путь.
Тако рождение челоувѣческое
от отца и от матери.
Будетъ молодець уже в разумѣ, въ беззлобии,
и возлюбили его отецъ и мать,
учить его учили, наказывать,
на добрыя дѣла наставлятъ:
«Милое ты наше чадо,
послушай учения родителскаго,
ты послушай пословицы добрыя,
и хитрыя, и мудрыя,
не будетъ тебѣ нужды великия,
ты не будешь в бѣдности великой.
Не ходи, чадо, в пиры и в братчины,
не садися ты на мѣсто болшее,
не пей, чадо, двух чар за едину,
еще, чадо, не давай очамъ воли,
не прелщайся, чадо, на добрыхъ красныхъ женъ,
отеческия дочери.
Не ложися, чадо, в мѣсто заточное⁵,
не бойся мудра, бойся глупа,
чтобы глупыя на тя не подумали,
да не сняли бы с тебя драгихъ портъ,
не доспѣли бы⁶ тебѣ позорства и стыда великаго

¹—¹ оскудевшие в отношении к добру; ² в распре; ³ бедность, нищета; ⁴ нападения врагов;

⁵ отдаленное, пустынное; ⁶ не сделали бы, не причинили бы.

и племяни укору и поносу бездѣлнаго.
Не ходи, чадо, х костаремъ¹ и корчемником,
не знайся, чадо, з головами кабацкими,
не дружися, чадо, зъ глупыми, немудрыми,
не думай украсти, ограбити,
и обмануть, солгать,
и неправду *учинить*.
Не прелщайся, чадо, на злато и сребро,
не збирай *богатства* неправаго,
не буди послух лжесвидѣтельству,
а зла не думай на отца и матеръ
и на всякого челоуѣка,
да и тебѣ покрыеть Богъ от всякого зла.
Не безчествуй, чадо, богата и убога,
а имѣй всѣхъ равно по единому,
а знайся, чадо, с мудрыми
и с разумными водися,
и з други надежными дружися,
которыя бы тебя злу не доставили».
Молодец был в то время се мал и глупъ,
не в полномъ разумѣ и несовершен разумомъ:
своему отцу стыдно покоритися
и матери поклонитися,
а хотѣлъ жити, какъ ему любо.
Наживал молодецъ пятьдесят рублевъ,
залѣзъ² он себѣ пятьдесятъ друговъ,
честь его яко рѣка текла,
друговя к молотцу прибивалися,
в род-племя причиталися.
Еще у молотца был мил надежен другъ,
назвался молотцу названой братъ,
прелстил его рѣчми прелесными³,
зазвалъ его на кабацкой двор,
завель ево в ызбу кабацкую,
поднесъ ему чару зелена вина
и крушку поднесъ пива пьянова;
самъ говоритъ таково слово:
«Испей ты, братецъ мой названой,
в радость себѣ, и в веселие, и во здравие.

---

¹ к игрокам в кости; ² приобрел; ³ обманными.

Испей чару зелена вина,
запей ты чашею меду* сладково;
хошь и упьешься, братецъ, допьяна,
ино гдѣ пил, тутъ и спать ложися,
надѣйся на меня, брата названова.
Я сяду стеречь и досматривать,
в головах у тебя, мила друга,
я поставлю крушку *меду* сладково,
вскрай поставлю зелено вино,
близъ тебя поставлю пиво пьяное,
зберегу я, мил другъ, тебя накрѣпко,
сведу я тебя ко отцу твоему и матери».
В тѣ поры молодець понадѣйся
на своего брата названого, —
не хотѣлося ему друга послушатца;
принимался он за питья за пьяныя
и испивал чару зелена вина,
запивал он чашею меду сладково,
и пил он, молодець, пиво пьяное,
упивался он без памяти
и гдѣ пил, тут и спать ложился,
понадѣялся он на брата названого.
Какъ будетъ день уже до вечера,
а солнце на западе,
от сна молодець пробужаетца,
в тѣ поры молодець озирается,
а что сняты с него драгие порты,
чары¹ и чулочки — все поснимано,
рубашка и портки — все слуплено,
и вся собина² у его ограблена,
а кирпичекъ положен под буйну его голову,
он накинута ³гункою кабацкою³,
в ногах у него лежат лапотки-отопочки,
в головах мила друга и близко нѣтъ.
И вставал молодець на бѣлыи ноги,
учаль молодець наряжатися:
обувал он лапотки,
надевал от гунку кабацкую,
покрывал он свое тѣло бѣлое,

---

¹ обычно это понимают как обувь; ² собственность; ^{3—3} старая изношенная одежда.

умывал он лице свое бѣлое.
Стоя молодец закручинился,
самъ говоритъ таково слово:
«Житие мнѣ Богъ далъ великое,
ясти-кушати стало нечево!
Какъ не стало денги, ни полуденги,
такъ не стало ни друга, ни полдруга;
род и племя отчитаются¹,
всѣ дружи прочь отпираются».
Стало срамно молотцу появиться
к своему отцу и матери,
и к своему роду и племяни,
и к своимъ прежнимъ милымъ другомъ.
Пошелъ он на чюжу страну, далну, незнаему,
нашелъ дворъ, что градъ стоитъ,
изба на дворѣ, что высокъ теремъ,
а в избѣ идетъ великъ пир почестен,
гости пьютъ, ядятъ, потѣшаются.
Пришелъ молодецъ на честен пир,
крестил он лице свое бѣлое,
поклонился чюднымъ образомъ²,
бил челомъ он добрымъ людемъ
на всѣ четыре стороны.
А что видятъ молотца люди добрые,
что гораздъ он крестится,
ведет он все по писанному учению, —
емлютъ его люди добрыя под руки,
посадили ево за дубовой столъ,
не в болшее мѣсто, не в меньшее,
садятъ ево в мѣсто среднее,
гдѣ седятъ дѣти гостинные.
Какъ будет пир на веселие,
и всѣ на пиру гости пьяны, веселы,
и сѣдя всѣ похваляютца,
молodeцъ на пиру невесель сѣдитъ,
кручиноват, скорбенъ, нерадостенъ,
а не пьетъ, ни ѣстъ он, ни тѣшитца,
и нѣчѣмъ на пиру на хвалитца.
Говорятъ молотцу люди добрыя:

---

¹ удаляются, отрекаются; ² иконам.

«Что еси ты, доброй молодецъ,
зачемъ ты на пиру невесел съдишь,
кручиновать, скорбенъ, нерадостенъ,
ни пьешь ты, ни тѣшышся,
да ничѣмъ ты на пиру не хвалишся?
Чара ли зелена вина до тебя не дохаживала,
или мѣсто тебѣ не по отчинѣ твоей,
или *малые* дѣти тебя изобидили,
или глупыя люди немудрыя
чѣмъ тебѣ молотцу насмеялися,
или дѣти наши к тебѣ неласковы?»
Говорить имъ съдя доброй молодецъ:
«Государи вы, люди добрыя!
Скажу я вамъ про свою нужду великую,
про свое ослушание родительское,
и про питьѣ кабацкое,
про чашу медвяную,
про лестное питие пьяное.
Язъ какъ принялся за питье за пьяное,
ослушался язъ отца своего и матери, —
благословение мнѣ от них миновалось;
Господь Богъ на меня разгнѣвался
и на мою бѣдность великия
многоя скорби неисцѣлныя
и печали неутѣшныя,
скудость и недостатки и нищета послѣдняя.
Укротила скудость мой рѣчистой языкъ,
изъсушила печаль мое лице и бѣлое тѣло.
Ради того мое сердце невесело,
а бѣлое лице унынливо,
и ясныя очи замутились;
все имѣние и взоры у мене изменилися,
отечество¹ мое потерялося,
храбрость молодецкая от мене миновалася.
Государи вы, люди добрыя!
Скажите и научите, какъ мнѣ жить
на чужей сторонѣ, в чужих людех,
и какъ залѣсти мнѣ милых друзей?»
Говорятъ молотцу люди добрыя:

---

¹ достоинство.

«Доброй еси ты и разумный молодец!
Не буди ты спесивъ на чюжей сторонѣ,
покорися ты другу и недругу,
поклонися стару и молоду,
а чюжих ты дѣлъ не объявляй,
а что слышышь или видишь, не сказывай,
не лсти ты межъ други и недруги,
не имѣй ты ¹упатки вилавыя¹,
не вейся змиєю лукавою,
смирение ко всѣмъ имѣй и ты с кротостию,
держися истинны с правдою, —
то тебѣ будетъ честь и хвала великая.
Первое тебѣ люди отвѣдаютъ
и учнутъ тя чтить и жаловать
за твою правду великую,
за твое смирение и за вѣжество,
и будутъ у тебя милыя други,
названыя братья надежныя».
И оттуду пошелъ молодецъ на чюжу сторону,
и учаль он жити умѣючи,
от великаго разума
наживал он живота болшы старова,
присмотрил невѣсту себѣ по обычаю,
захотѣлося молотцу жениться.
Средил молодецъ честенъ пир,
отчествомъ и вѣжествомъ,
любовнымъ своимъ гостемъ и другомъ билъ челомъ.
И по грѣхомъ молотцу
и по Божию попущению,
а по дѣйству дияволу, —
пред любовными своими гостми и други
и названными братья похвалился.
А всегда гнило слово похвалное,
похвала² живеть челоуѣку пагуба.
«Наживал-де я, молодецъ,
живот болши старова!»
Подслушало Горе-Злочаствие
хвастанье молодецкое,
само говорить таково слово:

---

¹—1 обычно это понимают как «изворотливые, хитрые повадки»; ² похвальба.

«Не хвались ты, молодец, своим счастьемъ,
не хвастай своим богатствомъ!
Бывали люди у меня, Горя,
и мудрая тебя и досужае,
и я их, Горе, перемудрило,
и учинися имъ злочастие великое,
до смерти со мною боролися,
во зломъ злочастии позорилися,
не могли у меня, Горя, уѣхати,
нази* они во гробъ вселилися,
от мене накрѣпко они землю накрылися,
босоты и наготы они избыли,
и я от них, Горе, миновалось,
а злочастие на ихъ въ могиле осталось.
Еще възгряло я, Горе,
к иным привязалось,
а мнѣ, Горю и Злочастию, не в пуге же жить —
хочю я, Горе, в людехъ жить,
и батагомъ меня не выгонить,
а гнездо мое и вотчина во бражникахъ».
Говоритъ сѣро Горе-горинское:
«Какъ бы мнѣ молотцу появитися».
Ино зло то Горе излукавилось,
во снѣ молодцу привидялось:
«Откажи ты, молодець, невѣсте своей любимой —
быть тебѣ от невѣсты истравлену,
еще быть тебѣ от тое жены удавлену,
из злата и сребра быть убитому.
Ты поиди, молодець, на царевъ кабаць,
не жали ты, пропивай свои животы,
а скинь ты платье гостиное,
надежи ты на себя гунку кабацкую,
кабакомъ то Горе избудетца,
да то злое злочастие останетца¹:
за нагимъ то Горе не погонитца,
да никто к нагому не привяжетца,
а нагому-босому шумить розбой».
Тому сну молодець не повѣровал.
Ино зло то Горе излукавилось,

---

¹ отстанет.

Горе архангеломъ Гаврииломъ молотцу
по-прежнему *явилось*,
еще вновь Злочастие привязалось:
«Али тебѣ, молодець, невѣдома
нагота и босота безмѣрная,
¹легота, безпроторица¹ великая?
На себя что купить, то проторится,
а ты, удал молодець, и такъ живешь.
Да не бьютъ, не мучать нагих-босых
и из раю нагихъ-босых не выгонять,
а с тово свѣту сюды не вытепутъ,
да никто к нему не привяжется,
а нагому-босому шумить розбой».
Тому сну молодець он повѣровал,
сошелъ он пропивать свои животы,
а скинулъ он платье гостиное,
надевал он гунку кабацкую,
покрывал он свое тѣло бѣлое.
Стало молотцу срамно появиться
своимъ милымъ другомъ.
Пошелъ молодець на чужу страну, далну, незнаему.
На дороге пришла ему быстра река,
за рекою перевощики,
а просятъ у него перевозного,
ино дать молотцу нечево,
не везуть молотца безденежно.
Сѣдитъ молодець день до вечера,
миновался день нидообѣднемъ,
не ѣдал молодець ни полу куса хлѣба.
Вставал молодець на скоры ноги,
стоя, молодець закручинился,
а самъ говорит таково слово:
«Ахти мнѣ, Злочастие горинское,
до бѣды меня, молотца, домыкало,
уморило меня, молотца, смертью голодною,
уже три дни мнѣ были нерадошны,
не ѣдал я, молодець, ни полу куса хлѣба.
Ино кинусь я, молодець, в быстру рѣку,
полощъ мое тѣло, быстра рѣка,

---

^{1—1} свобода, безубыточность, вследствие совершенной нищеты.

ино ѣште, рыбы, мое тѣло бѣлое!
Ино лутчи мнѣ жития сего позорного,
уйду ли я, я у горя злочастного».
И в тотъ час у быстри рѣки
скоча Горе из-за камени:
босо, наго, нѣтъ на Горе ни ниточки,
еще лычкомъ Горе подпоясано,
багатырскимъ голосомъ воскликано:
«Стой ты, молодець,
меня, Горя, не уйдешь никуда!
Не мечися в быстру рѣку,
да не буди в горе кручиноват, —
а в горе жить — некручинну быть,
а кручинну в горе погинути!
Спамятуй, молодець, житие свое первое,
и какъ тебѣ отецъ говорил,
и какъ тебѣ мати наказывала!
О чемъ¹ тогда ты их не послушалъ,
не захотѣлъ ты имъ покоритися,
постыдился имъ поклонитися,
а хотѣлъ ты жить, какъ тебѣ любо есть.
А хто родителей своих на добро учения не слушаетъ,
того выучю я, Горе злочастное,
²не к любому² он учнетъ упадывать,
и учнетъ он недругу покарятися».
Говорит Злочастие таково слово:
«Покорися мнѣ, Горю нечистому,
поклонися мнѣ, Горю, до сыры земли,
а нѣтъ меня, Горя, мудря на семь свѣте,
и ты будешь перевезен за быструю рѣку,
напоятъ тя, накормят люди добрыя».
А что видит молодец неменучюю,
покорился Горю нечистому,
поклонился Горю до сыры земли.
Пошелъ-поскочилъ доброй молодець
по круту по красну по бережку,
по желтому песочнику;
идеть весель, некручиновать,
утѣшил он Горе-Злочастие,

---

¹ зачем, почему; ²— к нелюбому, немилому.

а самъ, идучи, думу думаетъ:
«Когда у меня нѣтъ ничево,
и тужить мнѣ не о чемъ».
Да еще молодець некручиновать,
запѣль он хорошую напѣвочку
от великаго крѣпкаго разума:
«Безпечална мати меня породила,
гребешкомъ кудерцы розчесывала,
драгими порты меня одѣяла
и отшед под ручку посмотрела,
хорошо ли мое чадо въ драгих портах? —
А въ драгихъ портах чаду и цѣны нѣтъ.
Какъ бы до вѣку она такъ пророчила!
Ино я самъ знаю и вѣдаю,
что не класти скарлату¹ без мастера,
не утѣшати дѣтяти без матери,
не бывать бражнику богату,
не бывать костарю въ славѣ доброй.
Завѣчен² я у своих родителей,
что мнѣ быти бѣлешенку,
а что родился головенкою».
Услышали перевощики молодецкую напѣвочку,
перевезли молотца за быстру рѣку,
а не взяли у него перевозного,
напоили, накормили люди добрыя,
сняли с него гунку кабацкую,
дали ему порты крестьянские,
говорять молотцу люди добрыя:
«А что еси ты, доброй молодець,
ты поди на свою сторону,
к любимым честнымъ своимъ родителемъ,
ко отцу своему и к матери любимой,
простися ты с своими родители,
с отцемъ и материю,
возми от них благословение родителское».
И оттуду пошелъ молодець на свою сторону.
Какъ будетъ молодець на чистомъ полѣ,
а что злое Горе напередъ зашло,

---

¹ название ткани; ² заветным желанием моих родителей (исполнения которого они ожидали с надеждой) было, чтобы я родился удачливым, счастливым.

на чистомъ поле молотца въстрѣтило,
учало над молодцемъ граяти,
что злая ворона над соколомъ.
Говорит Горе таково слово:
«Ты стой, не ушель, доброй молодець!
Не на час я к тебѣ, Горе злочастное, привязалось,
хошь до смерти с тобою помучуся.
Не одно я, Горе, еще сродники,
а вся родня наша добрая,
всѣ мы гладкие, умилныя,
а кто в семью к нам примѣшается,
ино тот между нами замучится,
такова у нас участь и лутчая.
Хотя кинся во птицы воздушныя,
хотя в синее море ты пойдешь рыбою,
а я с тобою пойду под руку под правую».
Полетѣль молодець яснымъ соколомъ,
а Горе за ним бѣлымъ кречатомъ.
Молодецъ полетѣль сизым голубемъ,
а Горе за нимъ сѣрым ястребомъ.
Молодецъ пошелъ в поле сѣрым волкомъ,
а Горе за нимъ з борзыми вѣжлецы¹.
Молодецъ сталъ в поле ковыль-трава,
а Горе пришло с косою вострою,
да еще Злочастие над молотцемъ насмьялося:
«Быть тебѣ, травонка, посѣченной,
лежать тебѣ, травонка, посѣченной
и буйны вѣтры быть тебѣ развѣяной».
Пошелъ молодець в море рыбою,
а Горе за ним с щастыми неводами,
еще Горе злочастное насмѣялося:
«Быть тебѣ, рыбонке, у бережку уловленной,
быть тебѣ да и съѣденной,
умереть будетъ напрасною смертию».
Молодецъ пошелъ пѣшъ дорогою,
а Горе под руку под правую,
научаетъ молотца богато жить,
убити и ограбить,
чтобы молотца за то повѣсили

---

¹ с гончими собаками.

или с камнемъ въ воду посадили.
Спамятуеть молодець спасенный путь,
и оттоле молодець в монастырь пошел постригатися,
а Горе у святых воротъ остается,
к молотцу впредь не привяжетца.
А сему житию конец мы вѣдаемъ.
Избави, Господи, вѣчныя муки,
а дай намъ, Господи, свѣтлы рай.
Во вѣки вѣковъ. Аминь.